

УДК 821.111(73)-32

**СПЕЦИФИКА ОБРАЗА РАССКАЗЧИКА
В «ИСТОРИИ НЬЮ-ЙОРКА» В. ИРВИНГА****О.Ю. ЯСЮКЕВИЧ (Полоцкий государственный университет)**

Рассматривается образ Дидриха Никербокера - рассказчика героикомиической хроники «История Нью-Йорка» Вашингтона Ирвинга. Внимание к этому персонажу обусловлено его исключительной важностью для понимания творческого метода первого американского классика.

«История Нью-Йорка» (1809), в действительности написанная Вашингтоном Ирвингом, ведется от лица вымышленного персонажа по имени Дидрих Никербокер. Причем то, что Никербокер не реальное лицо, а придуманный писателем образ, первые читатели «Истории» поняли не сразу. Ирвинг сделал все возможное, чтобы они поверили в существование пожилого джентльмена, забывшего рукопись книги в гостинице на Малбери-стрит.

Прием «найденной рукописи» использовали до Ирвинга и другие писатели, однако именно после «Истории Нью-Йорка» он стал особенно популярным. В частности, Натаниель Готорн приписал свой роман «Алая буква» (1850) некоему Джонатану Пью. М.П. Алексеев отмечает, что в начале XIX в. мотив «находки рукописей» был в повсеместном употреблении то в серьезных, то в сатирических целях, то просто ради повышения занимательности повествования [1, с. 79]. Ирвингу этот прием весьма импонировал, поскольку помогал избежать причастности. Большинство произведений он написал не от своего лица: то в роли рассказчика выступает Джонатан Олдстайл, то Ланселот Лангстаф, то Джеффри Крайон, то Дидрих Никербокер. Склонность общаться с читателем как бы через посредника - вымышленного персонажа - проявилась в самом начале литературной деятельности Ирвинга. Но если первые подобные опыты можно объяснить подражанием Стилю и Аддисону, издававшим любимый Ирвингом журнал «Зритель», то дальнейшая приверженность к такой форме общения с читателем свидетельствует о том, что для Ирвинга она оказалась наиболее удобной.

Несмотря на внешнюю непохожесть, его вымышленные рассказчики имеют много общего. Например, и Лангстаф, и Крайон, и Никербокер - холостяки. Ирвинг, кстати, тоже никогда не был женат. Однако, дело не в том, что Ирвинг приписал им факты из своей биографии. «Скорее тут следует видеть подчеркиваемую писателем выделенность рассказчика на фоне типажного, заурядного: он одинок, а стало быть, не вполне ординарен» [2, с. 64]. Кроме того, его одинокая фигура и общество противопоставлены друг другу. Ирвинговских повествователей мало что держит в обществе, где они живут: Никербокеру неуютно в современной Америке - он «бежит» в прошлое, Крайон уезжает в Англию.

Никербокер впервые появляется в «Истории Нью-Йорка», но впоследствии его же Ирвинг сделает рассказчиком нескольких новелл о прошлом Америки. Описание внешности этого джентльмена есть только в «Истории», во вступительном очерке «Об авторе», но некоторые факты его биографии упоминаются и в самих новеллах, и в предисловии к новелле «Рип Ван Винкль». Внешность Никербокера не очень примечательна, но предпочтения в одежде позволяют назвать его старомодным. «Это был низенький, шустрый на вид старый джентльмен в порыжелом черном кафтане, бархатных штанах оливкового цвета и в маленькой треуголке. Его редкие седые волосы были заплетены в косу и подобраны сзади, борода, казалось, была суточной давности. Единственным предметом роскоши в его наряде были квадратные серебряные пряжки на башмаках, а весь его багаж состоял из двух седельных мешков, которые он нес под мышкой» [3, с. 1]. О его характере ничего не сказано, кроме того, что он имел странные, на взгляд хозяина гостиницы, привычки: его раздражал любой шум, он не разрешал трогать его книги и записи и был очень оскорблен тем, что жена хозяина приняла его за школьного учителя. Никербокер любил бродить по городу, интересовался всеми новостями, политикой и был отчаянным спорщиком. Издавая книгу в 1812 году, Ирвинг дополнил очерк «Об авторе» новыми сведениями о Никербокере. Мистификация продолжалась. Оказалось, что Никербокер не исчез, а уехал в одну голландскую деревушку на берегу Гудзона. Он был недоволен тем, что его незаконченную книгу опубликовали. Однако почести, которые ему оказывали как автору «Истории Нью-Йорка», были старику очень приятны. Никербокер намеревался переиздать книгу, уточнив и улучшив некоторые не нравившиеся ему места. «Но огонь вдохновения иссяк, многие места, которые он хотел было изменить, ему пришлось оставить нетронутыми и, даже внеся поправки, он как будто оставался в сомнении, улучшают ли они его сочинение или ухудшают» [3, с. 281]. Примечательно, что сам Ирвинг несколько раз переиздавал «Историю»: в 1812, 1819, 1824, 1848, 1854, 1857-м годах. И каждое новое издание подвергалось переработке автора. Особенно много коренных изменений книга претерпела в 1848 году. Однако, по мнению большинства исследователей, первый вариант «Истории» - самый удачный. Как выразился А.Н. Николюкин: «С каждым новым авторским

переизданием из книги уходило что-то живое, юношески-обаятельное» [3, с. 298]. Возможно, Ирвинг, подобно Никербокеру, также сомневался в правильности вносимых изменений, однако продолжал это делать почти всю жизнь.

Необходимо подчеркнуть, что «Никербокер» это не псевдоним Ирвинга. Дидрих Никербокер - это придуманный писателем персонаж, во взглядах, привычках и даже вымышленной судьбе которого, безусловно, есть много автобиографического. Однако Никербокер - это прежде всего драгоценная художественная находка писателя, идеальный рассказчик истории Нью-Йорка. Его образ сложен, во многом противоречив, но одновременно органичен. Многие исследователи, среди которых А.Н. Николюкин, М.Н. Боброва, А.М. Зверев, рассматривают Никербокера как романтический образ. Н.М. Мухамадеева же в своей диссертации, посвященной художественному методу В. Ирвинга, пишет: «Чудаковатый летописец - это сентиментальный рационалист, преследующий назидательные цели в своей истории: «главное мое желание, - неизменно подчеркивает он, - улучшить теперешний наш век»» [4, с. 18]. Никербокер действительно любит наставлять, критиковать, советовать, однако, пожалуй, главное в нем - это романтический тип сознания, при котором мир раздвоен на яркое, живописное «вчера» и скучное, бесцветное «сегодня». Идеал для Никербокера - патриархальное общество первых голландских поселенцев, основавших Новый Амстердам, время, «когда все было лучше, чем стало потом и будет когда-либо впоследствии». Поэтому ему доставляет удовольствие изучать старинные фолианты и узнавать подробности жизни своих голландских предков. Однако, «История Нью-Йорка» - это комическая история, в которой подлинные исторические факты сочетаются с выдумкой и фантазией. Бурлеск, пародия, сатира, юмор здесь органически переплелись и вложенные в уста Никербокера, который и сам часто выступает объектом насмешек, предстали перед читателем в виде «Истории». Воплотить задуманное в такой оригинальной для американской литературы форме Ирвингу помог образ Никербокера.

Именно многоуровневая структура образа рассказчика позволила Ирвингу высказать свое собственное мнение по поводу многих вещей, при этом не разоблачая себя до самого конца. Иногда позиция автора сливается с позицией повествователя, иногда совершенно отличается от нее. Тон повествования то романтически-возвышенный, то иронически-насмешливый помогает распознать истинный смысл рассуждений Никербокера. Рассмотрим наиболее значимые, на наш взгляд, элементы образа Никербокера, способствующие раскрытию авторского замысла.

Никербокер претендует на ученость и считает себя великим историком. Он постоянно подчеркивает, что его труд полностью достоверен, в нем совершенно отсутствуют легенды и вымысел, а сам он беспристрастен, как настоящий ученый. На самом же деле он путает исторические факты, постоянно отвлекается на рассуждения, не относящиеся к делу, эмоционально выражает свое отношение к героям хроники и ученым-историкам. Другими словами, Никербокер постоянно нарушает законы исторического повествования. Наделив Никербокера этой чертой, Ирвинг одновременно добился комического эффекта и высмеял исторические трактаты своих современников, выдержки из которых он в изобилии включил в никербокеровскую историю.

Претензия на ученость Никербокера тесно связана с самодовольством. Скромность, которая отличает настоящих ученых, совершенно не свойственна Никербокеру. «Трижды счастлив наш знаменитый город, ибо в нем происходили события, достойные быть занесенными в летописи истории; и еще более счастлив он, что у него есть для описания этих событий такой историк, как я», - с гордостью говорит Никербокер в самом начале повествования [3, с. 7]. Для самого Ирвинга, уже в двадцать шесть лет добившегося признания не только в Америке, но и Европе, было совершенно не характерно заниматься самолюбованием.

Никербокер красноречив, наделен живым воображением и фантазией. Он, кажется, способен рассуждать на любую тему и доказывать любой тезис. Однако рассуждения Никербокера о политических партиях, войнах, освоении Америки, интерпретация исторических событий и характеристика действующих лиц хроники могут быть истолкованы двояко. Иногда кажется, что Никербокер глуп, наивен и не понимает очевидных вещей, однако его неразумные и противоречивые рассуждения можно понять и как завуалированную критику, на которую способен только умный, проницательный человек. Никербокера часто называют «лукавым», очевидно, имея в виду его способность казаться наивным и недалеким, при том, что на самом деле он не такой. «Смешной старый Никербокер - тонкий и злой пародист», - пишет М.Н. Боброва [5, с. 33]. Саморазоблачение Никербокера - это средство выражения собственной позиции писателя, который, скрывшись за маской вымышленного рассказчика, становится еще более ироничным и насмешливым.

Никербокер - патриот своего города. Все его повествование проникнуто глубоким чувством к Нью-Йорку. Он, собственно, и взялся за перо, чтобы прославить свой любимый город. В очерке «Об авторе» к изданию 1812 года Ирвинг написал о Никербокере: «Он загорелся желанием вернуться в Нью-Йорк, к которому всегда относился с самой нежной любовью; не просто потому, что это был его родной город, а потому, что действительно считал его наилучшим городом во всем мире» [3, с. 281].

Для описания Нью-Йорка (Нового Амстердама до 1664 г.) он использует следующие эпитеты: renowned (знаменитый), mighty (могущественный), delectable (прелестный), beautiful, fair (прекрасный), goodly (славный), enchanting (очаровательный), excellent (превосходный). Они красноречиво свидетельствуют о равнодушном отношении рассказчика к описываемому объекту. В то же время в его повествование вкрадываются довольно странные сравнения. Прекрасный остров Манхэттен уподоблен щедрой навозной куче (a munificent dung hill), где все находит для себя пропитание и потому быстро развивается. Однажды город сравнивается с громадным грибом, выросшим на куче гнилой древесины (a mighty fungus, springing from a mass of rotten wood). В названии главы III третьей книги есть такие слова: «о том, как город Новый Амстердам поднялся из грязи» (how the town of New Amsterdam arose out of the mud). У русского читателя эта фраза рождает ассоциации с известной поговоркой «из грязи в князи». Так, в целом восхваляя родной город, Никербокер словно намекает на то, что не все в нем так уж безупречно и прекрасно. Так, за маской Никербокера угадывается авторское осмысление истории возвеличивания Нью-Йорка. Однако любовь Ирвинга к Нью-Йорку не становится от этого меньше.

Так, Дидрих Никербокер, смешной, чудаковатый, самодовольный и добродушный старик, оказался замечательным рассказчиком истории Нью-Йорка, написанной молодым и талантливым В. Ирвингом. Примечательно, что с возрастом Ирвинг стал похожим на своего литературного героя. Словно повторяя судьбу Никербокера, он поселился в небольшой усадьбе, выстроенной в голландском стиле, где и прожил в уединении до самой смерти. В.В. Брукс так пишет о том времени: «Ирвинг часто наезжал в город из своей усадьбы Саннисайд. На нем были старомодные туфли, тогда все носили сапоги; чисто выбритый, старчески краснощекий, закутанный в тальму, оживленно щебечущий и еще с огоньком в глазах, - такой странный со своими стародавними манерами, - он вызывал чувство невольного уважения со стороны всех, встречавших его. Умное и доброе лицо его, полное и жизнерадостное, напоминало о временах добрых матрон в старых голландских поселениях, привольной жизни в лесах и прериях, воскрешало в памяти ставшее нарицательным имя его героя Никербокера, компании, омнибусы, гостиницы. То был всемирно известный житель Нью-Йорка» [6, с. 318].

ЛИТЕРАТУРА

1. Николукин А.Н. Американский романтизм и современность. - М.: Наука, 1968. - 412 с.
2. Зверев А.М. Вашингтон Ирвинг // История литературы США: В 7 т. Т. 2. - М.: Наследие, 1999. - С. 55 - 96.
3. Ирвинг В. История Нью-Йорка / Пер. В.И. Ровинского. - М.: Наука, 1968. - 362 с.
4. Мухамадеева Н.М. Художественный метод Вашингтона Ирвинга в первый период творчества: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. - 23 с.
5. Боброва М.Н. Романтизм в американской литературе XIX века. - М., 1972. - 288 с.
6. Brooks V.W. The World of Washington Irving. - N.Y., Dutton and Company, 1947. - P. 4. Цит. по: Ирвинг В. История Нью-Йорка / Пер. В.И. Ровинского. - М.: Наука, 1968. - 362 с.